

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ ЗА РУБЕЖОМ

А. А. ХИСАМУТДИНОВ
(Владивосток)

«ОХОТНИЧАЙТЕ, ПАШИТЕ, СЕЙТЕ»: РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В КИТАЕ И ИХ ИСХОД

Аннотация. Статья посвящена краткой истории и деятельности русских старообрядцев в Китае и их исходу в Америку. Даются сведения об их занятиях (сельское хозяйство и рыбная ловля), семейной жизни, образовании и культуре, а также о том, как они сохраняли русский язык и религию (поповцы и беспоповцы). Рассказывается о помощи русских американцев в эмиграции старообрядцев в Америку.

Ключевые слова: старообрядцы-поповцы и беспоповцы, старообрядческие общины в Китае; русская эмиграция в Америку.

Еще в XIX в. российское правительство было заинтересовано в освоении дальневосточных земель. В числе первых переселенцев были старообрядцы различных согласий, которые хотели уйти подальше от контроля государственного-православных органов. На первом этапе большинство составляли поповцы белокриницкой иерархии. Узнав о том, что на Дальнем Востоке можно найти свободные земли, к ним присоединились липоване — русские старообрядцы, вернувшиеся в Россию из Австрии и поселившиеся в Амурской области. Большие старообрядческие поселения находились в Южно-Уссурийском крае. В 1911 г. была учреждена Иркутско-Амурская старообрядческая епархия, в состав которой вошли приходы Амурской, Приморской, Забайкальской и Якутской областей, Иркутской губернии.

Жизнь на Дальнем Востоке, в условиях первозданной природы позволила русским старообрядцам проявить свои лучшие качества как пионеров освоения новых земель. Первые контакты с коренным населением, а также пришлыми на заработки китайцами помогли им укрепиться в этом регионе. Без этой основы было бы невозможно их последующее перемещение в Китай и успешная жизнь там.

Октябрьская революция и Гражданская война внесли значительные изменения в старообрядческую жизнь. Окончание войны на Дальнем Востоке заставило старообрядцев, в основном «поповцев», покинуть родные места в Сибири, Приморском и Хабаровском краях. Через Алтай и Приморье они эмигрировали в Китай, где центром старообрядцев стал Харбин. Там в 1917 г. старообрядцы-поповцы основали общину в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла [ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36—38]. Несколько общин старообрядцев-поповцев было образовано и в Трёхречье. В начале 1921 г. в Харбин перенесли кафедру епископа Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока, появились старообрядческие печатные издания [Тюнин 1940, 38].

Одним из инициаторов строительства старообрядческой Свято-Петропавловской церкви в Харбине стал протоиерей отец Иоанн Кудрин [Кудрин 2006, 222—238].

Религиозные догмы старообрядцев-поповцев позволяли им более активно контактировать с представителями российской эмиграции в Китае. Они были не только открыты для диалога и общения, но и успешно использовали социальные и материальные пре-

имущества этих контактов: обучение в учебных заведениях, участие в общественной жизни и экономике. Старобрядцы даже позволяли себе совершать обряды бракосочетания в одежде, принятой среди европейцев. Разумеется, были и недостатки совместного проживания старообрядцев-поповцев рядом с православными и китайцами, что иногда приводило к отходу от религии или ассимиляции. Положительным было то, что старообрядцы-поповцы помогли своим единоверцам-беспоповцам быстрее адаптироваться на севере Китая.

Дальнейшие события в Советской России привели к значительному увеличению старообрядцев в Китае. К 1930 г. коллективизация докатилась и до Дальнего Востока, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян, скрепляющим нравственным началом которых была религия. По всем селам и деревням началось раскулачивание, при этом закрывались все старообрядческие приходы, как поповцев, так и беспоповцев. Потерпев в 1931—1935 гг. поражение в сопротивлении новой власти, они переправились через пограничную реку Уссури около Хутоу, севернее озера Ханка, а также в других местах советско-китайской границы и поселились в Харбине, Трёхречье, Хэндаохэцзы, Силинхэ и других селениях в глубине Маньчжурии, но недалеко от России. Этим еще раз подтверждается мысль о том, что эмигранты предполагали вернуться на родину вскоре после падения советского строя. Старобрядцы постоянно поддерживали связь между собой.

Драматические события вынужденного переселения описала старообрядка Анна Басаргина, чьи родители зажиточно жили в Каменке Южно-Уссурийского края. Отец имел мельницу, мать занималась домашним хозяйством. При раскулачивании мельницу отобрали, а отец пустился в бега и только ночами приходил навестить семью. На мать Ксению выпала ответственность сохранить хотя бы часть хозяйства. При раскулачивании сначала забирали всякую живность, поэтому перекололи всех

кур и гусей, засолили и спрятали под квашеной капустой. Затем дело дошло до «имения» — всякого нажитого имущества. Устроили аукцион, на котором распродали всё, что можно, даже только что скроенные рубашки.

Случались предательства, когда кто-то доносил милиции на односельчан. Поэтому настал момент, когда Басаргины были вынуждены бросить всё и уйти из привычных мест. Брат отца, дядя Иосиф, предложил бежать в Китай. Мать продала остатки одежды, чтобы собрать деньги на этот побег. Это было опасное путешествие, при переправе через реку перевернулась лодка, погиб трехлетний брат. Дело доходило даже до того, что, однажды потеряв родителей, отчаявшаяся 12-летняя Анна предложила своей сестре Анисии: «Давай скочим обратно в речку и утонем. Родителей нету, что нам делать» [Басаргина 1989, 6]. К счастью, позже дети нашли своих родителей.

С помощью проводника-китайца старообрядцы перешли границу, но и в Китае боялись, что их могут передать советской власти. Поэтому город Мишань они обошли стороной. Поселились на берегу небольшой реки Силинхэ в двух верстах от впадения ее в реку Муданьцзян и в 10 верстах севернее г. Муданьцзян, на земле, которую один китаец бесплатно им выделил. Свой поселок они назвали Силинхэ по имени речки. Подъехавшие родственники заселили другую деревню — Коломбо.

Наиболее крупным и характерным поселением была деревня Романовка, основанная летом 1936 г. в небольшой долине в окрестностях Хэндаохэцзы. Уже в первой половине 1940-х гг. кроме Романовки в восточной Маньчжурии существовало еще несколько старообрядческих поселений: Коломбо, Силинхэ, Хэндаохэцзы, Мерген, Татицван, Чипигу (Масаловка) и Медяне. В Силинхэ, образованном в 1932 г., жили братья Дмитрий и Логин Гостевские, Герасим Юрков, Сазон Бодунов. В селении Дацзицоань, в долине реки Танванхэ, в 12 верстах от железнодорожной станции Вэлин, жили Игнатий

Басаргин, его сын Ефим и четыре двоюродных брата, сыновья Кондратия: Ефим, Анисим, Федул и Степан. Поселения старообрядцев в виде небольших заимок имелись и около больших городов, как Харбин, Цицикар, Бухэду и Хайлар.

Старообрядцы-беспоповцы старались поселиться в стороне от обычных русских населенных пунктов или китайских поселений, чтобы ограничить контакты своей молодежи и этим предупредить отход от веры. Поэтому одним из наиболее популярных видов деятельности старообрядцев была охота, тем более что маньчжурская тайга была очень богата дичью. В районе трех линий КВЖД промышляли до трех тысяч русских охотников [Муратов 1936, 17; Зуев, Косицын 1979, 250—257].

Большинство предпочитали охотиться на птицу или пушного зверя, и только небольшая часть охотилась на тигра. Особенно удачливым считался житель Хэндаохэцзы Семен Калугин, который за зимний сезон 1936 г. добыл семь тигров. Другими известными и удачливыми охотниками-профессионалами были Лука Малахов, Федор Мартышев и Петр Калугин [Гомбоев, 22—29]. По мнению китайских медиков, препарат из тигрового сердца дает человеку необычайное мужество и стойкость, а амулеты из тигровых когтей и усов возвращают утраченную любовь. Обычно туша тигра оценивается от 900 до 1500 гоби [Муратов 1936а, 17], и один убитый тигр мог дать больше прибыли, чем самый удачный охотничий сезон [Три тигра 1937, 17].

Охота регулировалась правилами правительства Маньчжу-диго и Харбинским обществом правильной охоты и рыболовства, которое затем было преобразовано в секцию охоты и рыболовства при БРЭМе (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) (1936 г.). Старообрядцы также занимались отловом живых тигров для продажи в зоопарки.

Популярной была и добыча пантов, которые использовались в традиционной китайской медицине для приготовления лекарств. Китайцы утверждали,

что они излечивают малокровие, бессонницу, головокружение, ревматизм, слабость десен и зубов, расстройства желудка, камни в почках и другие серьезные болезни. В тридцатые годы внимание восточной медицине, в частности, настойкам с использованием оленьих пантов, стали уделять и европейские медики. По этой причине панты в Китае стоили очень дорого: за пару пантов средней величины давали от 500 до 600 гоби, а за крупные можно было получить около 1000 гоби [Муратов 1936, 18].

Охота на оленей-пантачей началась в Маньчжурии в начале лета и длилась почти до августа. Этот род охоты не таил в себе такой опасности для охотника, как охота на тигра, но требовал большого опыта, навыка и ловкости. Главная трудность заключалась в том, что в период роста пантов олень становится особенно нервным и чутким. В это время он уходит вглубь тайги, изредка выходя на водопой и кормежку. Охота на оленя основывалась на навыках охотника и глубоком знании привычек зверя. Выследив оленя, охотник целыми часами сидел в засаде. Кроме того, оленя следовало убивать одним залпом, чтобы он не смог повредить свои рога. Иногда оленей подманивали искусственными солончаками. Журнал «Рубеж» писал: «Минувший сезон (1936 г. — А. Х.) пантовой охоты прошел, в общем, довольно удачно. Группе известных здесь охотников на крупного зверя, во главе с братьями Калугинными, Мартюшевыми и Назаренко, удалось добыть целую коллекцию пантов, принесшую им довольно солидный заработок» [Муратов 1936, 18].

Если в начале освоения территории здесь было много зверя, то со временем его становилось всё меньше и меньше. Уже в середине 1930-х гг. ставился вопрос о заповедниках [Байкова 1934, 98—99]. По сведению Н. А. Байкова, охотой в этих местах занимались до 40 тыс. человек, включая китайцев и представителей коренных народностей. Охотники добывали зверя и дичи на сумму около 20 миллионов иен [Там же, 94].

Старообрядцы в Маньчжурии. Из коллекции Музея русской культуры в Сан-Франциско (США)

Промысловое значение имели 36 видов животных. Возглавлял список тигр, который водился в основном в горных лесах Гиринской провинции и горах Малого Хингана. В год добывалось около 50 тигров. Особенно ценились кости, кровь, мозг, глаза, когти, печень, сердце, половые органы и, конечно, шкура [Байков 1931, 50—54].

Эмигрант-исследователь И. И. Серебренников записал 11 января 1942 г. в дневнике: «Харбинские газеты сообщили об одном охотничьем подвиге, который совершила недавно в дебрях Маньчжурии группа русских охотников. Мне хочется сохранить в дневнике сообщение об этом подвиге целиком, и потому я приведу здесь его дословно. Семь тигров, восемь изюбрей и пять кабанов: это знатные результаты охоты, добавлю я от себя. Дальнейшие газетные сведения сообщили нам, что охотники продали свои охотничьи трофеи за 25.000 гоби. “Тигры дадут охотникам 25.000 гоби. Вчера представители группы русских охотников с восточной линии ж<елезной> д<ороги> К. Назаренко и С. Калугин закончили переговоры с лицами, желающими приобрести убитых и пойманных живых тигров. Три тигра, включая сюда самого

крупного, пошли в одни руки за 10.500 гоби и четвертый за 2.670 гоби, таким образом, убитые тигры дали охотникам 13.170 гоби. Кроме того Сынцзинским зоологическим садом приобретены по официальной цене все живые тигрята, что по предварительным расчетам должно дать им еще 11.000 гоби. Таким образом, включая выручку от продажи изюбрей, 5 охотников выручат 25.000 гоби. Пока тигрята остаются в Харбине. 10 января они будут погружены К. Назаренко в загон и под его присмотром будут отправлены в Сынцзин» [АГИ. К. 2. П. 3. Л. 30].

Самым тяжелым испытанием для староверов в первые годы жизни в Маньчжурии была борьба с хунхузами¹.

Старообрядческие селенья находились в отдалении от других населенных пунктов, поэтому жители часто становились жертвами нападения хунхузов. Осенью 1933 г. на пос. Силинхэ, который в то время состоял из тринадцати дворов, напала крупная банда.

¹ Хунхузы (буквально — краснобородый) — участники вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии и на Российском Дальнем Востоке с середины XIX в. до начала 1950-х гг.

Несмотря на то что бандитов было вдвое больше, старообрядцы смогли хитростью отбить нападение, уничтожив около пятидесяти бандитов [Гомбоев, 5—10].

В период жизни в Китае старообрядцы полностью сохранили свою культуру. В первую очередь этому способствовала жизнь в замкнутых общинах и поселениях, находившихся в глубине Маньчжурии, близких по природно-климатическим условиям к дальневосточному региону. Способы адаптации к местным природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и культурным условиям жизни были уже отработаны в России, где старообрядцам пришлось испытать переселение и приноравливаться к жизни в новых условиях.

Как уже отмечалось, степень открытости у старообрядцев-поповцев и беспоповцев была различной. Первые деятельно участвовали в социальной жизни эмиграции, не боясь открытой полемики с православием, что было невозможно в России. Беспоповцы, напротив, предпочитали находиться в стороне от этого, выбирая

соответствующие поселения. И те, и другие занимались хлебопашеством и скотоводством, но первые в большей степени на коммерческой основе, с вовлечением в хозяйственную деятельность региона и контактами с другими социальными слоями, а «беспоповцы» в основном вели хозяйство для собственных нужд.

В связи с этим иной была и степень сохранности традиционной русской культуры. Отчасти это было связано и с тем, что поповцы, понимая важность образования, отдавали детей в различные школы и гимназии, часто вдали от дома, что не способствовало сохранению не только традиций, но и самой веры. Различия в уровне традиционной культуры наблюдались и у разных поколений: у старшего и среднего поколений поповцев он был высоким, у младшего — весьма низким. Несмотря на особенности в укладе жизни «поповцев» и «беспоповцы», они контактировали между собой: так, «беспоповцы» пользовались старообрядческой литературой, в частности календарями, покупая ее у «поповцев» в Харбине.

Старообрядцы в Маньчжурии. Из коллекции Музея русской культуры в Сан-Франциско (США)

При переезде в Китай не произошло больших изменений в материальной культуре старообрядцев, в частности, ношении традиционной нательной и верхней одежды и обуви в повседневные и праздничные дни, если не считать того, что в Китае они заимствовали некоторые элементы у китайцев, например, ткань для одежды. Поэтому она стала более нарядной, чем раньше, при жизни в России. Не было внесено и новых конструктивных особенностей в строительство жилья и его интерьер: сохранился «красный угол» с иконостасом, фотографии родственников по стенам, набивные рисунки на тканях, украшавших комнату. Не было различий и в еде. Набор пищевых продуктов, способы их заготовки, хранения, приготовления, кухонная утварь были традиционными, которые можно было купить в китайских или русских магазинах.

Ничего не изменилось и в семейно-брачных отношениях. Во всем строго соблюдались традиции, особенно внимательно подходили к степени кровного и духовного родства. У беспоповцев почти не случалось выбора партнера из иной этнической среды, тем более что на данном этапе хватало женихов и невест. В сельской местности в брак вступали довольно рано: девочки в возрасте 14—16 лет, юноши — в 15—18 лет. В городской среде у старообрядцев-поповцев не редкими были браки с представителями иной веры, но возраст для замужества и женитьбы был выше, чем у беспоповцев.

Не наблюдалось больших изменений и в традиционном распределении производственного и домашнего труда на мужские, женские и детские работы. Мужчины обычно занимались охотой и работой в иных районах. Женщины были хранительницами очага, выполняющая всю домашнюю работу и воспитывая детей. Старообрядческие семьи были большими. Особенно это бросалось в глаза по сравнению с «белой» эмиграцией, где в семье чаще всего был один, максимум два ребенка. В семьях старообрядцев росли от 5 до 10 детей, а иногда и больше. Правда, наблюдалась

высокая детская смертность, тем более что у старообрядцев отсутствовала медицинская помощь.

Система образования у поповцев и беспоповцев различалась. У первых существовала начальная ступень в церковно-приходской школе, также имелся более высокий уровень образования, вплоть до высшего. У беспоповцев образование ограничивалось первой ступенью: обучением чтению на древнерусском языке, что было необходимо для религиозной службы. В то же время были случаи, когда старообрядцы для обучения детей нанимали русских эмигрантов. Кроме того, невысокий уровень образования восполнялся общением с китайскими или японскими детьми и освоением их языков: старообрядцы знали их превосходно.

Нормы группового взаимопонимания, конфессиональной общности и культурного самосознания определялись старшим поколением. Именно они устанавливали нормы поведения, несущие ряд религиозных запретов, следили за соблюдением традиционных обычаев и обрядов. Старейшины определяли религиозно-культурные правила для членов своей общины, контролировали строгие еженедельные и более продолжительные посты, обязательные часы молитвы и прочее.

На взрослых лежала обязанность по приобщению своих детей к образу жизни общины, степени почитания родителей, кровного родства и родства по свойству, в создании иерархической структуры семейных обязанностей. Они же сохраняли традиционные календарные и семейные (родильно-крестильные, свадебные, похоронно-поминальные) обряды.

Японская оккупация Северной Маньчжурии почти не изменила жизнь старообрядцев. Японцы совершенно не обращали внимания на внутреннюю структуру и особенности старообрядческой общины. Как и все русские эмигранты на севере Китая, старообрядцы были обязаны встать на учет в Главном бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), заполнив соответствующую анкету.

Старообрядческие общины выбирали из своей среды представителя БРЭМа, на котором лежали обязанности по общению с властями.

Как и вся русская эмиграция, старообрядцы были обязаны участвовать в общественных работах: выделять скот для строительства дорог или принимать участие в системе японской гражданской обороны. Япония строила планы по вторжению на территорию российского Дальнего Востока, и русские эмигранты должны были стать связующим звеном между русским населением и японцами. Старообрядцев привлекали и на воинскую службу: их готовили на роль проводников. В основном они проходили подготовку в формированиях Асано².

Старообрядческие общины имелись и в Синьцзяне, на северо-западе Китая, где поселились те, кто бежал из России через Алтайские горы, причем не только старообрядцы, но и простые эмигранты, по религиозным или политическим причинам не приемлющие советской власти. Здесь старообрядцы обосновались, главным образом, неподалеку от городов Кульджа и Урумчи, где нашли плодородные земли. Их жизнь не отличалась от жизни соотечественников в Маньчжурии. Сажали пшеницу, держали пасеки, произведенные пшеницу и мед свозили в районные центры или в китайские и казахские поселки на обмен и продажу. Занимались и охотой: ходили на медведя, кабана, оленя, били белку. При жизни в Китае особенных контактов между «харбинцами» и «синьцзянцами» не было. Они начались только по пути на американский континент, в Гонконге.

Окончание Второй мировой войны привело к окончательному исходу рос-

² Асано, русский отряд (Маньчжурия). Сформирован в начале мая 1933 г. и назван по имени 1-го командира отряда майора Асано Макото. Солдатами были молодые люди, на командных должностях — офицеры, воевавшие в Гражданскую войну. За основу был взят устав Российской императорской армии. В основном подразделения направлялись на заставы по советско-китайской границе. Прекратил существование в 1945 г.

сийской эмиграции из стран Дальнего Востока. События развивались весьма стремительно. Перед самым приходом Советской армии в 1945 г. эмигранты, занимавшие должности в БРЭМе, постарались уехать из Харбина в Шанхай. Окончательный отъезд русских эмигрантов из Шанхая и Харбина осуществлялся двумя основными потоками и в двух направлениях: репатриация принявших советское гражданство и вынужденный отъезд в другие страны.

По причине советской оккупации Маньчжурии отъезд русской эмиграции из Харбина отличался от того, что наблюдался в Шанхае. Война с Германией резко подняла патриотизм русских эмигрантов, и к концу Второй мировой войны подавляющее большинство из них мечтало о возвращении на Родину: старшее поколение хотело умереть в России, а их дети, воспитанные в русских традициях и получившие образование в русских школах, — продолжить трудовую и общественную деятельность в российских условиях. «Русское население Харбина, — писал И. С. Ильин, — отнеслось к Красной армии, я бы сказал, благожелательно. Как же, “русские, победители, японцы нас на гаоляне держали” и т. п. Парад Красной армии в Новом городе около Чурина привлек массу людей, многие бросали им цветы. Многие местные искренне чувствовали радость, видя русских военных. Страх контрразведок пришел немного позже. Конечно, у всех при этом невольно была мысль: “русские-то русские, а что вот с нами будет?” Это особенно удручало тех, кто работал с японцами, явно или скрытно, по политической линии, в полиции, жандармерии, Военной миссии, Киовакай и тому подобных учреждениях» [Ильин 1971, 156].

После того как русский лагерь на Тубабао прекратил свою деятельность, беженцы выбирались в другие страны в основном через Гонконг [Николашин 1947]. Этот город-порт стал перевалочной базой для множества русских из Харбина и других населенных пунктов Маньчжурии, в том числе и русских старообрядцев.

Большинство русских харбинцев, еще оставшихся в Китае, уехало в Австралию, небольшая часть — в США или страны Южной Америки. К 1967 г. в Харбине осталось около 150 выходцев из России [Ф. Р. 1967].

Окончательный исход русской эмиграции из Китая протекал более 10 лет. Примерно равные части русских поселились в Австралии и США, остальные уехали в страны Южной Америки. В некоторой мере это движение нельзя считать окончательным. Позднее часть эмигрантов, уже второе поколение выходцев из России, из Австралии и Южной Америки переехала в США.

О выезде за границу старообрядцы стали хлопотать еще в 1952 г. В конце 1940-х гг. несколько русских семей из Харбина и Мукдена вырвались за границу и оттуда сообщили, что в Гонконге существует организация, Совет церковей, которая оказывает помощь всем желающим уехать из Китая: достаёт визы в разные страны, спланирует поездки, одевает, обувает и кормит. Прилагался и адрес, обращаться по которому можно было и по-русски. Эта новость вселила надежду, и старообрядцы начали писать по указанному адресу. Ответ никто не получил. Оказалось, что Хайларское почтовое отделение передавало все письма в советское консульство, где по почерку быстро нашли «писарей». Их вызвали в полицейские участки и предупредили, что за связь с империалистическими странами их сурово накажут, вплоть до смертной казни.

Тогда старообрядцы стали писать своим друзьям в Харбин, а те пересылали письма в Гонконг. Очень скоро пришли, тем же путем, ответы и опросные анкеты, содержавшие всего несколько вопросов: имя, фамилия, возраст, специальность, состояние здоровья. Они коренным образом отличались от анкет советского консульства, где было более двухсот вопросов. Затем получили извещение: «Ваша просьба утверждена. В какую страну Вы хотели бы выехать? Убедительно просим начать хлопоты о получении выездной визы из Китая в Гонконг».

В китайской полиции всем просителям визы в Гонконг отвечали одной и той же фразой: принесите справку из советского консульства о снятии вас с учета. Советские власти всячески препятствовали стремлению русских людей эмигрировать в капиталистические страны. В консульстве на них смотрели как на предателей родины, убеждали вернуться в СССР, угрожали наказаниями, но анкеты всё же давали. Старообрядцы были вынуждены ответить на 150—200 вопросов и в течение нескольких месяцев ожидать решения властей. Потом требовалось заполнять новые анкеты и снова ждать. Требовали еще справку из полиции о том, что проситель в настоящее время не находится под судом или следствием.

«Как мы уехали из Китая? — вспоминал П. Г. Мартюшев. — В Китае мы стали хлопотать об отъезде за границу в 1952 г., еще при Сталине. Боялись, конечно. Получили документы только в 1954 г., уже Сталина не было; послабление, знаете, стало. А мы под надзором советского консульства в Попыне. Когда мы предъявили консульству фотографии виз, — Парагвай нас принял, и мы предъявили, что, вот, хотим выехать за границу, — они возмутились против нас:

— Ну, куда же вы едете в рабство! Вам надо на Родину!

Мы говорим:

— Ну, ребята, разрешите нам тогда на Родину ехать.

— Н-е-ет, знаешь, Пётр Григорьевич, надо заслужить на Родину ехать!

Я говорю:

— Ну что ж, если мы не заслужили на Родину ехать, так дайте нам разрешение туда.

И вот, нас продержали до 1957 г., когда уже китайское правительство инициативу взяло в свои руки и всё, что касается эмигрантов, перешло в его распоряжение.

Мы хотя были и советские подданные, но подданные заграничные, имевшие право отказаться возвращаться и куда-то уехать. К нам приезжали на дом китайские власти и спрашивали:

— Куда вы хотите поехать: на родину или за границу?

Мы говорили:

— За границу. Вот, у нас давно уже документы есть.

— Мы знаем, — отвечают. — Но вы куда сейчас хотите?

— Только за границу.

Конечно, прежде чем уехать, у нас было очень много переживаний. Ну вот, в 1957 г. мы распродали свой скот, всё свое личное имущество. Когда китайские власти это узнали, приехала в деревню представительница и говорит:

— Вы не торопитесь, поживите, как вы жили: охотничайте, пашите, сейте — придёт время, когда мы вам разрешение дадим. Мы у вас всё купим.

И, действительно, купили, дали хорошую цену. У нас были хорошие лошади, хорошие коровы дойные. В Китае в это время начали молоко, как бы это сказать, рекламировать. У меня дрова были накладены, нарублены — всё до палочки вот такой купили. Очень хорошие деньги дали. Мы нисколько на них не обижаемся» [Мартюшев 2009, 654—655].

С середины 1950-х гг. из самых глубоких районов Китая, семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками, старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, затем на поездах, с документами и без них, отправлялись в Тяньцзинь или Шанхай. Уже оттуда на теплоходах они уезжали в Гонконг. Китайские таможенники строго следили за тем, чтобы старообрядцы не вывозили из Китая никаких ценностей, включая золото и бумажные деньги.

Больше всего препятствий испытали староверы в Синьцзяне. Посольство СССР в г. Кульдже, имевшее большое влияние в бывшей Восточной Туркестанской Республике, не хотело переселения русских. Поэтому китайская власть препятствовала их уходу, не давая разрешения на выезд. Около 300 человек из округа Алтай в Синьцзяне в октябре 1947 г. нелегально перешли советско-китайскую границу. Через Гоби, Монголию, Лхасу и Индию они в июле 1951 г. пришли в Калькутту. Всего дошло 13 человек, из них одна

женщина и девочка. Здесь их взял под опеку Толстовский фонд, который помог переселиться в США [Красков 2008]. К 1965 г. большинство русских старообрядцев уехало из Синьцзяна за границу.

Старообрядцы писали: «Все мы люди без гражданства. У нас нет документов, так как мы уехали из России, когда были совсем юными, а следующее поколение выросло на китайской земле. Мы православные, старообрядцы, у нас нет священника; рождения, смерти, браки регистрируются старейшинами наших общин. В соответствии с традициями предков мы вступаем в брак только с людьми нашей религии и живем поэтому только в своих собственных поселках. Все мы хотим уехать отсюда через Гонконг в какую-нибудь страну, где сможем жить. Наше желание — поселиться в стороне от больших городов, чтобы было много земли, где бы мы могли заниматься сельским хозяйством, эта работа нам хорошо знакома. Климат лучше прохладный, чем жаркий... Наше главное желание — не возвращаться в СССР» [Мартюшев 2009, 655].

Основной исход из Синьцзяна начался в 1948 г. Первая группа, уехавшая в Шанхай, составила 250 человек. В основном это были жители бывшего русского Туркестана или баптисты, о которых хлопотал Всемирный баптистский союз. И. И. Серебренников записал в своем дневнике: «Газета пекинская сообщила, что в Шанхай, на пароходе из Чункина, прибыла на днях партия русских беженцев, в количестве 135-ти человек. Это беженцы из Синьцзяна, т. е. Китайского Туркестана. Они начали свой исход еще в 1946 году. Несчастные русские люди! Когда же кончатся их страдания и мыкания по чужим землям?» [АГИ. К. 4. П. 3. Л. 26].

В конце 1950-х гг., после нескольких лет дружбы и сотрудничества, отношения между СССР и КНР ухудшились, и китайская эмиграционная политика изменилась. Благодаря этому у русских, в том числе старообрядцев, появилось больше возможностей выехать в США, Австралию и страны Южной Америки.

Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев сидели в ожидании, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогли Международный Красный Крест и Всемирный совет церквей (World Council of Churches). Отсюда они смогли разъехаться по разным странам.

В основном старообрядцы получили свои визы в начале 1953 г., но китайские власти задержали их до конца 1957 г. В связи с тем что русские в Китае находились под коммунистической властью, они вошли в первую категорию беженцев. Беженская организация и Всемирный совет церквей приняли решение не дробить их на отдельные семьи, а сохранить всю группу. Из-за этого возникали различные проблемы, которые всё же удалось благополучно разрешить. Всемирный совет церквей смог уладить все иммиграционные вопросы с правительством Бразилии, в том числе получения виз, без которых китайские власти не давали разрешения на въезд в переполненный Гонконг. На деньги Национального совета христианских церквей для 650 человек было куплено 6 тыс. акров земли в Паране, в 50 милях от г. Кюриtiba.

Особенную помощь оказала Федерация русских благотворительных организаций (Нью-Йорк — Сан-Франциско). Вскоре после окончания Второй мировой войны 52 русские общественные организации решили объединиться для помощи русским беженцам по всему миру. 9 мая 1950 г. в Государственный департамент была подана заявка, 19 сентября того же года произошло утверждение [Н. Н. 1951]. Председателем был избран С. С. Белосельский, вице-председателями — К. П. Барский, В. Л. Малеев, Т. С. Луговая, исполнительным директором — Н. В. Борзов.

Большую роль в помощи Федерации старообрядцам играл А. С. Лукашкин, который очень хорошо знал их по работе в Харбинском комитете помощи беженцам (1924—1940), а также во время исследований в Маньчжу-

рии³. Еще до приезда старообрядцев в США он принялся организовывать им встречу, связался с американскими иммиграционными властями и общественными организациями. Вместе с единомышленниками он собрал средства, чтобы оплатить пребывание старообрядцев в Лос-Анджелесе.

Координацию всей работы со старообрядцами в Лос-Анджелесе взяло на себя Общество «Гуманити Коллс» (Humanity Calls — «Гуманити зовёт»). На первой встрече этой организации 27 мая 1947 г. в Лос-Анджелесе присутствовали более 200 человек, а учредительное собрание нового общества с широким привлечением американцев состоялось 11 марта 1948 г. [М. Т. З. 1947]. Яркой личностью был председатель Общества Л. Н. Кей⁴. Лос-Анджелесский журнал «Родные дали» писал: «Организация “Гуманити Коллс” под руководством Льва Николаевича выполнила два больших патриотических задания: две с половиной тысячи Дипи были выписаны из Европы в Аме-

³ Лукашкин Анатолий Стефанович (Степанович) (1902—1988, Сан-Франциско). Окончил Читинскую гимназию и Институт ориентальных и коммерческих наук. Секретарь секции естествознания Общества изучения Маньчжурского края. Советник Национальной организации исследователей-пржевальцев и секции молодых натуралистов, археологов при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Помощник куратора, куратор музея в Харбине (1930—1941). Жил в Сан-Франциско с 1941. Морской биолог в Калифорнийской Академии наук, специалист по тихоокеанской сардине. Член правления Русского центра (1949—1952). Председатель правления корпорации газеты «Русская жизнь» (1952—1955) и Музея Русской культуры (1954—1965). Знарок деятельности российских эмигрантов в Азии, автор многих научных работ.

⁴ Кей (Кэй), Лев Николаевич (Kay, Leo Nicholas) (1893—1979, Риверсайд/Riverside, Калифорния). Окончил Донскую гимназию в Новочеркасске и юридический факультет Петроградского университета (1917). Участвовал в боях в Добровольческой армии. Приехав в США (1923), окончил Колумбийский университет (1932), магистр социологии. Общественный деятель в Лос-Анджелесе. Председатель Общества «Гуманити Коллс» (Humanity Calls).

рику, и Русский охранный корпус, находившийся в Келлерберге, был спасен от возможной в будущем насильственной репатриации в СССР и вывезен в Соединенные штаты» [Сатранский 1954, 38].

Огромную помощь старообрядцам оказали молокане, которые религиозно были весьма к ним близки. Прибыв из России в 1904 г., молокане оказались первыми русскими жителями Лос-Анджелеса. Эти переселенцы прибывали малыми и большими группами до 1911 г. и селились в восточной части города Бойл Хайтс (Boyle Heights). В 1915 г. в Лос-Анджелесе проживало до 4 тыс. выходцев из России, а в 1930 г. их было более 8 тыс. Первой исследовала их социальную жизнь Л. Соколова, выпускница университета в Лос-Анджелесе. Вот как описал результаты ее работы И. Окунцов: «Молокане обыкновенно имеют большие семьи. В 50 семьях оказалось 270 человек, в среднем по 4—5 человека на семью. Из них: 17 семейств жили в 2-х комнатах, 14 — в 3-х комнатах, 17 — в 4-х и 2 — в 5-ти комнатах. Жены, по большей части, работают. Девушки, выходя замуж, нанимаются на работу. Плата для мужчин малая и в 1915 г. равнялась трем долларам и только в редких случаях доходила до 13 долларов 50 центов в неделю. Женщины получали от 4-х до 10-ти долларов в неделю. При этом многие страдали от безработицы. Только после войны русские стали получать наравне с другими рабочими. Многие из молокан завели свои дома. Они жили очень скромно: не пьянствовали, не курили и не посещали увеселительных мест. Из 50 семейств 26 имели свои дома, стоившие от 800 до 4000 тысяч долларов. Вся недвижимая собственность 50 семейств оценивалась в 48000 долларов, домашняя обстановка — 33200 долларов» [Окунцов 1967, 163].

В основном русские молокане жили в районе «Рашен Флат», занимая десять кварталов между Бойл-авеню и Юта-стрит и открыв около десяти русских торговых лавок. Многие занимались рыбной ловлей, в основном добывали сардину. Среди рыбаков был известен

Яков Гумин, приехавший из Приморья. «С 1907 г., — писал И. Окунцов, — он начал ловить рыбу удочкой. Теперь он владеет двумя моторными баркасами, четырьмя лодками, огромными сетями и домами. У Гумина работают десятки русских рыбаков, которые оказались в городах “лишними людьми” или пьяницами. Среди них имеются люди разных общественных положений и профессий. Все они приходят к дяде Якову с нуждой. Дядя Яков снабжает их сетями, удочками, лодками, учит их делу, и они работают на условиях: 50 на 50. С течением времени “лишние люди” так увлекаются рыболовством и работой на океане, что забывают всякие города с их приманками. По вечерам, при свете костра они беседуют или поют “Эй, ухнем” или “У соседа хата была”» [Там же, 172—173].

Другим известным рыбопромышленником был молоканин И. Я. Кочергин. Его артель занималась добычей крупной рыбы, а заработки доходили до 400 долларов в месяц. В 1930-е гг. русские рыбаки добывали рыбы на 200—300 тыс. долларов. Позднее их опыт отлично продолжают на Аляске старообрядцы.

Во время Гражданской войны молокане оказывали большую материальную помощь Советской России. «Если мы только вспомним, что эти самые сектанты послали нашей многострадальной Родине десятки тысяч долларов из своих трудовых денег на помощь голодающим, то пред этим фактом мы, мнящие себя интеллигентами, должны преклониться и молчать» [Толстов 1922]. К 1940 г. в Лос-Анджелесе насчитывалось около 12 тыс. русских молокан, которые были объединены в 6-7 общин. Имелся свой молитвенный дом (Сант Ларина стрит, 635).

Одной из проблем, с которыми сталкивалось старшее поколение, была быстрая ассимиляция: дети, подрастая, покидали район, постепенно теряя русский язык. «Молодежь, вообще, отходит от стариков, говорит по-английски, ассимилируется. Конечно, это вызывает много ссор и неприятностей. Девушки выходят замуж за американцев». Несмотря на то что в США стали ужес-

точаться требования в отношении не-американцев, 75% старшего поколения молокан, даже после многолетней жизни в Америке, не спешили принимать американское гражданство, ссылаясь на незнание законов и неумение запомнить статьи американской конституции [Баженова 1940].

Шестилетняя программа по переселению беженцев из Китая в другие страны в основном финансировалась на деньги Международной беженской организации и Всемирного совета церквей. Но они подходили к концу, и срочно требовались дополнительные вливания. 808 беженцев еще находились в Гонконге, ожидая переезда, еще 10 тыс. человек оставались в Китае, из них около половины имели на руках визы для эмиграции в другие страны, но у благотворительных организаций не доставало средств на переправку всех. Требовалось собрать 1,8 млн долларов, чтобы помочь всем нуждающимся в переезде [МРК. Л. 12]. В ответ на призыв руководства Межправительственного комитета европейской миграции (ICEM) они были получены. Правительство США выделило 450 тыс. долларов для переселения 1958 человек с условием, что этот вклад будет дополнен правительствами других стран. Австралия, Израиль, Ватикан, Люксембург, Великобритания внесли свои пожертвования еще раньше. Получив деньги, ICEM смог обеспечить перевозку примерно 500 из 953 беженцев, ожидавших решения своей судьбы в Гонконге. Решено было 493 староверов переправить первыми, поскольку они представляли самую большую «семейную» группу.

Без преувеличения можно сказать, что первую группу старообрядцев встречала вся русская Америка. Они прилетели в Лос-Анджелес из Гонконга утром 15 мая 1958 г. Организацию их встречи взял на себя настоятель молокан Д. Милосердов (Письмо секретаря РБО Евгения Константиновича Логинова от 20 мая 1958) [МРК. Л. 30].

На летном поле собралось множество людей. Всех поразил вид старообрядцев, одетых в красочные сарафаны

и косоворотки. Группа состояла из 15 мужчин, старшим из которых был 74-летний Автоном Семенович Куликов, родом из Приамурья, 19 женщин и 48 детей, из которых большинство были младше 11 лет. Уже по возрасту прибывших было видно, что часть женщин лишились своих мужей, арестованных советскими властями в Маньчжурии. Впереди всех шел групповод А. С. Куликов. Приблизившись к встречающим, он сделал глубокий поклон и поздоровался. Его окружала семья из 11 человек, месячную внучку Марию, родившуюся в Гонконге, несли на руках.

Переезд старообрядцев из Китая в США и другие страны был в центре внимания американцев. О них писали газеты Гонолулу [White 1958], где они сделали остановку, Нью-Йорка [Russian 1958], Лос-Анджелеса [Route 1958].

Одна из американских газет сообщила: «350-летняя одиссея преследования, рассеяния и бегства закончилась в этом месяце для 493 старообрядцев, остатков русской религиозной секты, сменивших в Гонконге статус беженца на пионера Бразилии. Перевозку этой группы организовал Межправительственный комитет европейской миграции, решивший переправить большинство старообрядцев из Гонконга в Бразилию. 14 мая они прилетят в Лос-Анджелес, а 17 отправятся дальше на судне вместе с запасом семян, удобрений, инструментов, сельскохозяйственного и домашнего инвентаря, одежды общим весом 60 тонн, предоставленных им в подарок американскими протестантами» [White LA 1958].

В Лос-Анджелесе старообрядцев разместили в 33 комнатах Дон-Отеля в Уилмингтоне, где они провели три дня, с 15 по 17 мая 1958 г. Их завалили подарками: от детских игрушек и одежды до сельскохозяйственного инвентаря, который мог пригодиться в Бразилии. Старообрядцев приглашали на экскурсии, в дома простых американцев. Молокане организовали для них 16 мая большой обед.

17 мая старообрядцы сели на борт парохода «Brazil-Mary». После их отъезда

русские, в том числе молокане, не переставали беспокоиться о них. Один из молокан, в частности, писал: «Обращаюсь к Вам с заинтересованным вопросом о пилигримах-старообрядцах, которых мы проводили с порта Вильмактона на японском пароходе в Бразилию. Буте настолько любезны сошцита о них поскольку вам слышно о них висьма интересно знат. Они обещалес прислать о сибе что либо. От 17 мая ничего не слышно, еще рас прошу бутя любезны сошцита по ваши возможности» (Письмо Василия Никифоровича Добрынина от 31 июля 1958 г.) [МРК. Л. 56]. К этому времени к первой группе из 82 старообрядцам присоединилась другая, насчитывавшая 370 человек.

Андрей Муравьев, директор Латиноамериканской конторы, описал прибытие старообрядцев в Бразилию: «В период 27 мая — 26 июня 385 староверов — мужчины, женщины, дети от 85 лет до 6 недель от роду — прибыли на различных судах и самолетах в разные штаты Бразилии, нередко за сотни миль друг от друга. Это была первая группа из 500 староверов, уехавших из России в Китай в 1919 г. и снова ставших беженцами в 1952 г. С этого времени Всемирный совет церковей старается подыскать им подходящее место для дальнейшего проживания, и наша контора в Гонконге поддерживает с ними постоянный контакт.

В ноябре 1957 договорились о 6 тыс. акров земли в штате Парана, на юге Бразилии, окончательно вопрос решился во время визита доктора Эдгара Х. С. Чандлера <Edgar H. S. Chandler>, директора службы беженцев ВСЦ в апреле этого года. <...> Проблемы возникли, когда было решено не ждать до июля, а отправить первую партию старообрядцев из Гонконга в Бразилию самолетом. Об этом мы узнали всего за 24 часа до их прилета charterным рейсом 27 мая. У старообрядцев с собой был только ручной багаж, а одеты они были по летней погоде в Гонконге — в легкую одежду и сандалии, тогда как в Бразилии наступала зима и было довольно холодно. Для многих срочно по-

надобилась теплая одежда и одеяла, а также медицинская помощь.

Другие группы прибыли в Парану 13 и 26 июня. Бразильских чиновников, встречавших старообрядцев, поразила дисциплинированность и поведение переселенцев. Несмотря на то что они провели в пути нелегкие четыре дня и позднее прибытие (около полуночи), они высадились в строгом порядке, а затем терпеливо стояли, ожидая инструкций и таможенных формальностей. Каждый раз они выбирали трех мужчин из группы, чтобы поблагодарить командира экипажа, членов команды и стюардесс за заботу во время полета.

В общежитии для иммигрантов их по-доброму встретили служащие-бразильцы, приготовившие поздний ужин. Они были удивлены, когда, предложив старообрядцам кофе и чай, услышали ответ: «Огромное спасибо, но мы не употребляем стимуляторов и не пьем ни чая, ни кофе. Можно попросить принести теплой воды?»

Наутро персонал общежития удивился еще больше, когда увидел, что старообрядцы-переселенцы сами заправили свои постели, подмели пол, убрались в ваннных комнатах и вымыли посуду после завтрака. Каждой раз после трапезы все старообрядцы подходили к директору общежития пожать руку и поблагодарить за еду. Позднее бразильский правительственный чиновник, ответственный за иммиграцию, сказал: «За много лет службы я видел сотни тысяч иммигрантов из разных частей света, но никогда не встречал таких приличных, хорошо воспитанных людей с отличными манерами. Они принесут много пользы Бразилии».

Так как старообрядцы прибыли раньше, чем их ожидали, жилье для них не было готово полностью. Как только они отдохнули с дороги, мужчины отправились из общежития к месту своего будущего поселения заканчивать постройки, а женщины и дети остались в общежитии. Бразильцев ожидал еще один сюрприз. Перед тем, как мужчины отправились в путь на грузовике, к ним подошли их дети и, прежде чем поцеловать, упали перед ними на колени и

склонили головы до самых ног отцов — в знак глубокого уважения перед старшими. Заметно было, что это уважение сопровождается теплотой и любовью между детьми и родителями.

В июне у староверов начался пост, что означало новые проблемы для организаторов переселения. Переселенцы могли есть только хлеб, рис, овощи, фрукты и рыбу, а пить только воду. Ни мяса, ни яиц, ни сыра, ни масла.

<...> 9 июля еще 104 старообрядца прибыли в Сантос на судне с 30 тоннами багажа, который принадлежал тем 360, кто прилетел из Гонконга на самолете. В середине августа пришли еще суда, и вся группа из 500 старообрядцев собралась в новом доме, готовая начать жизнь в свободной стране. Они сообщили, что в Китае еще остаются 200 их сестер и братьев, ожидая возможности уехать в Бразилию» (Письмо Всемирного совета церквей от 11 авг. 1958 г.) [МРК. Л. 63].

Из Китая удалось вывезти 1450 старообрядцев, из них 650 беженцев из Трехречья и других районов Маньчжурии [Three centuries 1958, 14].

Вместе со старообрядцами из России были вынуждены покинуть Дальний Восток около одного миллиона россиян, которые распространились по многим странам Азиатско-Тихоокеанского региона, включая США. На сегодня эта волна эмиграции почти стерта, растворившись среди местного населения: ассимиляция заставляет быстро забывать свои корни. В то же время русские старообрядцы успешно проживают в Америке и Австралии. Изучение процесса переселения старообрядческих общин помогает выявить многие факторы формирования в современном мировом сообществе полиэтнических культур (например, старообрядцев и латиноамериканцев или североамериканцев) которые, возможно, в определенной степени являются прообразами культур будущего человечества.

Литература

Баженова 1940 — *Баженова Т.* О молодых в Лос-Анджелесе // Новая заря. Сан-Франциско, 1940. 11 июля.

Байков 1931 — *Байков Н. А.* Зверовой промысел и пушная торговля Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1931. № 10. С. 50—54.

Байков 1934 — *Байков Н. А.* Промысловые звери и проблема звероводства в Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1934. № 6. С. 98—99.

Басаргина 1989 — *Басаргина А.* How we escaped from Russia = Как мы бежали с России / As told to O. Basargin by Anna Basargin = Как рассказала Олимпияде Басаргиной Анна Басаргина. Translated and illustrated by O. Basargin = Перевод и рисунки О. Басаргиной. Nikolaevsk Publishing Co., 1989. Рус., англ.

Гомбоев — *Гомбоев Н. Н.* Маньчжурия глазами охотника / предисл. А. С. Лукашкина. Б.м., Б.г.

Зуев, Косицын 1979 — *Зуев С., Косицын Г.* (По статьям Н. А. Байкова). Охота в Северной Маньчжурии // Политехник. Австралия, 1979. № 10. С. 250—257.

Ильин 1971 — *Ильин И. С.* На службе в Советской разведке в тылу у японцев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. Кн. 103. С. 169—186.

Красков 2008 — *Красков Я. С.* Мы от коммунистов уходили просто вперед глазами. Прошли весь Тибет, а никакого Беловодья не видали // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / отв. ред. Л. Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. С. 366—371.

Кудрин 2006 — *Кудрин И. Г.* Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул, 2006.

Мартюшев 2009 — *Мартюшев П. Г.* Вот как русские делают // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М., 2009. С. 654—655.

Муратов 1936 — *Муратов Б.* За пантами в тайгу... Самый прибыльный вид охоты // Рубеж. Харбин, 1936. № 29 (11 июля). С. 18.

Муратов 1936а — *Муратов Б.* Охота на тигра в Маньчжурии: Опасный, но прибыльный промысел // Рубеж. Харбин, 1936. № 14 (28 марта). С. 17.

М. Т. 3. 1947 — *М. Т. 3.* Экстренное собрание русских общественных организаций в Лос-Анджелесе о «Ди-Пи» // Новая заря. Сан-Франциско, 1947. 3 июня.

Николашин 1947 — *Николашин Г. В.* В Гонконге // Новая заря. Сан-Франциско, 1947. 9 авг.

Н. Н. 1951 — *Н. Н.* В федерации Русских благотворительных организаций // Рус. жизнь. 1951. 23 авг.

Окунцов 1967 — *Окунцов И. К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / Предисл. изд.-ва. Буэнос-Айрес, 1967.

Сатранский 1954 — *Сатранский В.* Триумф Льва Николаевича Кея // Родные дали. Лос-Анджелес, 1954. № 3 (июнь). С. 38.

Толстов 1022 — *Толстов И.* Дела сектантские в Лос-Анджелесе // Русская жизнь. 1922. 12 дек.

Три тигра 1937 — Три тигра на двоих!: (Об охоте Назаренко и Суховеева) // Рубеж. 1937. № 4 (23 янв.). С. 17.

Тюнин 1940 — *Тюнин М.* Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 11. С. 35—40.

Ф. Р. 1967 — *Ф. Р.* Новые беженцы из Китая // Русская жизнь. 1967. 1 февр.

Route 1958 — Route from Manchuria to Brazil: 82 White Refugees in LA // Herald-Express. 1958. 15 May.

Russian 1958 — Russian refugees arrive on coast // The New York Times. 1958. 16 May.

Three centuries 1958 — Three centuries of wandering are ended: Russian 'Old Believers' from Asia settle in Brazil with church aid // National Council Outlook, June 1958. P. 14—18.

White 1958 — White Russian refugees stop off on way to Brazil // Honolulu Star-Bulletin. 1958. May 14.

White LA 1958a — White Russians refugees to stop at Harbor on trip // LA Citizen-News. 1958. 14 May.

Сокращения

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.

АГИ — Архив Гуверовского института (США). Коллекция И. И. Серебренникова.

МРК — Музей русской культуры в Сан-Франциско. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. 1958 г.

Summary. This article is about Russian Old Believers life in China (Harbinese and Sinczhianese) and their escape to America. It describes how these communities sprang up in China, their activities (agriculture and hunting), family life, education and culture, keeping the Russian language and religion (bespopovtsy — without priests, and popovtsy — with priests). It also provides information about Russian Americans helping Old Believers to emigrate to America.

Key words: *Old Believers, bespopovtsy, popovtsy, Russian Old Believers communities in China, Russian immigration to America.*

Ю. В. АРГУДЯЕВА
(Владивосток)

ЖИЗНЬ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ¹

Аннотация. *Дается краткая история первых и последующих миграционных волн русских старообрядцев в некоторых штатах Северной Америки. Рассматривается процесс адаптации, его особенности и сложности в условиях принимающей англоязычной среды. Анализируется степень сохранности религиозной и традиционной русской культуры.*

Ключевые слова: *русские, старообрядцы, эмиграция, адаптация, Северная Америка, религия, традиционная русская культура.*

Существование на современном этапе старообрядчества можно считать явлением уникальным, сохраняющим самобытную, устойчивую к значительным изменениям русскую культуру. Именно поэтому весной и летом 2010 г. в целях изучения степени сохранности традиционной русской культуры в иноэтничном окружении у локальной группы русских старообрядцев, эмигрировавших на американский континент, российскими исследователями-дальневосточниками были осуществлены две поездки в США — в старообрядческие общины штатов Орегон и Аляска.

Первые сравнительно небольшие группы староверов появились в США в штатах Пенсильвания и Калифорния в конце XIX — начале XX в. из Царства Польского. Работая преимущественно на промышленных предприятиях, часть этих старообрядцев сравнительно быстро ассимилировалась, а некоторые воссоединились с Русской православной церковью за границей.

В 1960-е гг. в штат Нью-Джерси прибыли более многочисленные группы старообрядцев. В последующие годы они расселились в штатах Нью-Йорк, Монтана, Миннесота, Орегон, Аляска и некоторых других. Наиболее крупные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН. Код проекта 09-1-П25-01.